

Царя страшила и угнетала мысль, что после его смерти, которая, как ему казалось, уже совсем не за горами, царевич станет «разорителем» всех его дел и начинаний. Свои сомнения и переживания он не делал тайной для сына, как и для кого бы то ни было еще. Напротив, многократно и настойчиво говорил о них наследнику. Так, уже в первом послании он с горечью вопрошал, обращаясь к сыну: «... я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (си речъ все, что бог дал, бросил)?». О тех же неослабевающих тревогах и сомнениях скажет он и во втором своем послании, написанном спустя несколько месяцев после первого и после нового, еще более тяжелого приступа болезни, когда окружающие уже не надеялись на выздоровление занемогшего царя (стр. 50). Тяжкие недуги, мысли о смерти побуждали, очевидно, царя к безотлагательному решению вопроса о наследнике, о том, в чьи руки перейдет управление страной после него.

Второе послание выражало крайнее недовольство царя тем ответом, который он получил от сына на свое первое письмо к нему. В связи с этим он писал: «... рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прещение... ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить! Что же приносишь клятву, тому верить невозможно... К тому ж и Давидово слово: всяк человек — ложь. Также хотя б и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздаешь рождение отцу своему? Помогашь ли в таких моих несносных печалех и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи, что всем известно есть. Но паче ненавидишь дел моих, которыя я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желашь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и неліцемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал» (стр. 349—350).

Об отсутствии душевного покоя, вызванном все тем же недовольством поведением наследника, Петр писал и в третьем своем письме к нему (стр. 351).

Личность наследника престола, склад его ума и характера — это в глазах Петра не частный, семейный вопрос, а проблема первостепенной государственной важности, в известном смысле проблема будущего новой России, ее побед и преобразований, достигнутых ценой величайших усилий всего народа и полного самоотвержения самого царя. Вот почему забота о воспитании наследника была постоянной и тревожной заботой Петра и вот почему